

«В антисоветских целях занимался мужеложеством»

Category: Kitarcy, Taryhy makalalar

написано kitarcy | 24 января, 2025

"В антисоветских целях занимался мужеложеством" «В АНТИСОВЕТСКИХ ЦЕЛЯХ ЗАНИМАЛСЯ МУЖЕЛОЖСТВОМ»

65 лет назад, 24 ноября 1938 года, железный сталинский нарком Николай Ежов написал заявление с просьбой об отставке с поста главы Лубянки. Историей недолгого взлета и стремительного падения «кровавого карлика» обозреватель «Власти» Евгений Жирнов продолжает серию публикаций о руководителях советской госбезопасности.

Судя по записям в сталинской книге приемов посетителей, кульминация контрчекистской операции осени 1938 года длилась около четырех часов. Вызванный в Кремль нарком внутренних дел СССР Ежов, видимо, вначале категорически отказывался писать прошение об отставке. Сталин и Молотов наверняка убеждали генерального комиссара госбезопасности, что так будет лучше для него и для партии. Но маленький тщедушный человечек с огромными маршальскими звездами в петлицах слишком хорошо знал, что происходит с теми, кто при таких обстоятельствах оставляет свои посты.

Позиция Ежова выглядела железобетонной. Конечно, он перегнул палку, допустил чрезмерный размах репрессий, но ведь он всего лишь делал то, что приказывал ему ЦК. Поэтому Сталин и Молотов обвиняли главу Наркомвнудела главным образом в политической близорукости: проглядел врагов в своем ближайшем окружении. Начальник управления НКВД по Дальнему Востоку Генрих Люшков, к примеру, перебежал к японцам, а нарком внутренних дел Украины Александр Успенский исчез, оставив записку: «Труп ищите в Днепре». Тела не нашли, как не нашли и железнодорожного билета, который жена видела у Успенского в столе.

Скорее всего, чтобы выиграть время, Ежов написал заявление с признанием этих ошибок. Но его не отпускали – мало ли что он мог выкинуть, вернувшись на Лубянку: поднять войска НКВД,

например, или просто отдать приказ об аресте членов политбюро. Ведь это ему партия делегировала право решать, кто является врагом народа, а кто нет.

Его наверняка обвиняли в моральном разложении: пеняли на пьянство, оргии и гомосексуализм, упрекали в смерти жены – то ли покончившей с собой, то ли отравленной Ежовым. Но железный сталинский нарком цепко хватался за жизнь и за власть. Он согласился уйти лишь с должности главы НКВД, сохранив за собой остальные посты: секретаря ЦК, председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта.

Но полгода спустя, 10 апреля 1939 года, Ежова все же арестовали. Путь от любимца Сталина, «ежовых рукавиц», устрашающих его врагов, до ненавистного всем основоположника «ежовщины» был пройден за тридцать с половиной месяцев.

• **«Это был отзывчивый, гуманный, мягкий и тактичный человек»**

Подобно многим видным коммунистам второй волны, вступившим в партию во время или вскоре после революции, Ежов не отличался точностью при написании автобиографий – это у старых большевиков работа с Лениным и в подполье с лихвой компенсировала непролетарское происхождение. Большевики революционного призыва зачастую старались скрыть мелкобуржуазных родителей и полученное их стараниями солидное образование, но удавалось это далеко не всегда: случалось, красная комиссарша писала в анкете, что свободно владеет четырьмя-пятью языками.

Ежов лишь раз, в 1921 году, написал, что родился в семье металлиста-литейщика, но впредь об отце-пролетарии в документах не упоминал. Столь же невнятно, как и о происхождении, писал он о своем трудовом пути при царском режиме: о том, что до 11 лет, до 1906 года, был учеником в слесарных мастерских в родном Петербурге, затем стал учеником портного, скитался в поисках работы по Литве и Польше, работал на кроватной фабрике и на знаменитом Путиловском заводе. Правда, потом путиловцы не нашли в документах никаких упоминаний о столь знаменитом коллеге. Не все было ясно и с военной службой: по одним данным она началась в 1913 году, по другим – двумя годами позже.

Но если пролетарское происхождение и прошлое были просто

сомнительными, информация об участии Ежова в революционной борьбе с царизмом смотрелась попросту липой. В начале 1920-х он неожиданно вспомнил, что в Питере едва ли не организовывал демонстрации и забастовки, носил кличку Колька-книжник и подвергался арестам и высылкам. Еще одной всплывшей из ниоткуда деталью биографии Ежова стала его революционная деятельность в армии: его якобы за агитацию арестовали, посадили в военно-каторжную тюрьму, а затем отправили в штрафбат. По мере его продвижения в партийной иерархии ложь принимала все большие масштабы. И в первом издании «Краткого курса истории ВКП(б)» уже говорилось, что он на фронте в Белоруссии «подготовлял к восстанию солдатские массы».

Единственной частью автобиографии, более или менее походившей на правду, были сведения о том, что полноценного образования Ежову получить не удалось. Судя по стенограммам, он патологически не мог систематизировать информацию: говорил косноязычно, путано, постоянно возвращаясь к вопросу, говорить о котором он вроде бы уже закончил, — так что оратором и пропагандистом Ежов оказался неудачным. Зато ему не было равных по части исполнительности и усидчивости, и потому его бросили на организационно-кадровую работу. Он с рвением выполнял любые поручения руководства. Правда, как утверждали его тогдашние руководители, Ежов никогда не мог понять, когда следует остановиться.

• «Наша основная опора, — говорил соратникам товарищ Ежов, — это, если можно так выразиться, народ»

Не слишком хорошо он ориентировался и в отношениях сильных мира сего. На фотографиях и киносъемках начала 1930-х видно, что он старается держаться вблизи хитроумного Анастаса Микояна, буквально заглядывая ему в глаза: а что он думает, а что он скажет? На всякий случай Ежов угождал всем более или менее значительным аппаратчикам. Юрий Домбровский так описывал воспоминания старых большевиков о Ежове: «Не было ни одного, кто бы сказал о нем плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий и тактичный человек... Любое неприятное личное дело он

обязательно старался решить келейно, спустить на тормозах». У такого приятного человека даже недостатки не казались недостатками. К примеру, никто не высмеивал его маленький рост, хотя потом редкий автор воспоминаний не называл его карликом. Впрочем, не вышло ростом и большинство других руководителей страны. А на фоне наркома юстиции Николая Крыленко Ежов смотрелся едва ли не как рослый атлет.

В стране, где царила сексуальная свобода, не считалась большим недостатком и его склонность к однополый любви, приобретенная, как он потом признавался, в 15 лет. Кто мог осуждать Ежова, когда самый культурный человек в стране нарком просвещения Луначарский не слишком скрывал свою бисексуальность, а пьянки и оргии были едва ли не обыденной частью аппаратно-партийной жизни.

Ко всему прочему у скромного аппаратчика Ежова обнаружилось неоценимое достоинство: глубокий, прекрасный голос, что во времена некачественного патефонного звука делало его желанным гостем в любых компаниях.

В итоге карьера Ежова развивалась весьма успешно. В начале 1930-х его назначают заведующим распределительным отделом ЦК, который переименовывают в отдел руководящих партийных кадров, а в 1935 году он уже председатель Комиссии партийного контроля ЦК и секретарь ЦК. Этот большой скачок в карьере Ежов совершил, когда по поручению Сталина возглавил расследование убийства Кирова. Там, где чекисты не видели ничего, кроме преступления на почве ревности, исполнительный Ежов нашел указанную вождем политическую подоплеку и затем, точно следуя указаниям, блестяще провел процессы над «троцкистско-зиновьевскими собаками».

Очередное перемещение Ежова было вполне предсказуемым: человек, отличившийся во время чисток рядов партии, вполне мог навести порядок в закосневшем аппарате НКВД, и 26 сентября 1936 года он был назначен наркомом.

- **«Весь народ – наш коллективный агент»**

На новом месте службы свежее испеченный генеральный комиссар

госбезопасности поначалу высказывал, хотя и, по обыкновению, путано, здравые мысли. Скорее всего, он лишь пересказывал своим сотрудникам то, что объяснял ему Сталин.

К примеру, выступая 11 марта 1937 года перед присланными по комсомольскому набору новыми сотрудниками НКВД, он говорил: «Мы не можем, например, сравнивать с культурой английской разведки. Культуры разведывательной у нас пока нет, потому, что мы воевали и довольно длительный период прошли налегке, что мы перед собой имели относительно голую контрреволюцию. В годы гражданской войны, когда мы захватили власть, имели огромное сопротивление буржуазии и вынуждены были действовать не столько способами иностранной разведки, сколько массовым подавлением врага, и тем самым мы довольно слабую агентурную сеть имели, а основную опору, которая являлась бы нашим коллективным агентом,— это, если так можно выразиться, народ... Главную опору представлял коллективный агент — наш народ...

Наша слабость и чему надо учиться у иностранцев — это техника. Нам надо учиться технике, культуре разведки, это то, чего нам не хватает сейчас. Это, к сожалению, дается не так быстро, здесь нужен опять длительный срок, выучка опыта и т. д. Это нельзя и школой создать, потому, что школа не решает всего. Это дается, в основной степени, опытом работы, который копится многими годами...

Очевидно, многие из вас помнят, как у нас относились в довоенное время к разведчику: его называли охранником, его оскорбляли — в этом слове объединялось все худшее, что можно было найти в человеке. Считалось, что охранник — это человек, который не имеет никаких принципов, падаль человеческая в моральном смысле, вообще последний человек, исключая верхушку, жандармерию... У нас другое дело, у нас народ считает самым почетным званием — звание чекиста...»

Ежов утверждал, что массовая агентура («у нас же каждый соглашается быть осведомителем») заводит НКВД «не туда, куда надо», и приводил примеры того, как малограмотные осведомители перевирают смысл высказываний тех, на кого они доносят. Нарком призывал своих подчиненных обзаводиться настоящей,

квалифицированной агентурой, чтобы не сажать невинных людей. Однако это были лишь благие пожелания. Для их исполнения требовалось как минимум доверять собственным подчиненным, а этого как раз и не было.

Нарком считал старых чекистов никчемными болтунами. Мобилизованных в НКВД комсомольцев он без обиняков пугал: «Это относится к вам, как к чекистам, прямо. Это то, что мы называем на нашем языке быть конспираторами, не болтать... В среде чекистских кадров на этот счет не все благополучно. За всякую болтовню и расконспирацию этой работы вы отвечаете по закону. Каждый чекист отвечает по закону. Этот закон нам придется усилить, вообще говоря, и карать будем за все эти дела строже... Больше того, может быть мы больше не будем предавать суду Военного Трибунала, а ограничимся собственным наказанием, которое будет не менее строгим, т. е. предоставим кое-какие права нашему учреждению ГУГБ со своими людьми, которые в этом смысле являются вольными или невольными предателями, болтунами и расконспирировали нашу работу, карать их внутри себя».

И все же главной проблемой Ежова была его патологическая неспособность к систематизации. Его предшественник Генрих Ягода лично участвовал в составлении картотеки на политических противников власти, определял степень их опасности (естественно, с учетом своих личных отношений с ними), решал, кто попал в протоколы допросов уже арестованных оппозиционеров случайно или является жертвой оговора. Новому наркому все эти тонкости политического сыска были чужды. Аресту подлежали все близкие и дальние связи врага народа. Заразу нужно было ликвидировать на корню.

Однако далеко не вся вина за массовые репрессии лежит на НКВД. Красные бароны на местах решили использовать развернутые Сталиным репрессии против противников его курса в центре для очистки регионов от собственных недругов. У политбюро запрашивались лимиты на продолжение репрессий, причем многие области умудрялись исчерпывать их в считанные дни. Один из немногих оставшихся в живых после ареста Ежова сотрудников госбезопасности полковник Сергей Федосеев рассказывал мне, как

к ним, в Московское управление НКВД, ежедневно звонил секретарь МГК Никита Хрущев и спрашивал, сколько людей арестовали и расстреляли за сутки. И если процент перевыполнения плана был ниже, чем в соседних областях, начинал кричать и грозить репрессировать пробравшихся в управление врагов.

- **«Добиваться сознания арестованных»**

О том, как работала эта машина, потом рассказывали на следствии арестованные Ежов и его бывший первый зам Михаил Фриновский. Они подписывали составленные следователями протоколы, в которых рассказывалось, как они вели вопреки линии партии вражескую работу.

«Помимо массовой операции по изъятию к-р повстанческого элемента,— говорилось в протоколе допроса Фриновского,— по указанию правительства мы должны были провести операцию по кадрам шпионов, диверсантов, насажденных внутри Советского Союза разведками капиталистических государств, состоящих по существу из инациональностей (немцев, поляков, латышей, финнов, эстонцев, греков и др.). Особенно обращалось внимание на перебежчиков, которые в очень большом количестве специально забрасывались в СССР для разведывательной деятельности... В силу отсутствия какой-либо агентурной работы по освещению этих категорий начали проводить аресты по признаку инациональностей без всяких компрометирующих то или другое лицо материалов. Ставя в дальнейшем перед следствием задачу во что бы то ни стало добиваться сознания арестованных в шпионаже и связях с иноразведками...

В этот период правительство стало отказывать нам в предоставлении дополнительных лимитов по массовой операции, а количество арестованных в ряде краев и областей по массовой операции оставалось большое. Ряд начальников УНКВД—заговорщиков с нашего согласия стали переквалифицировать статьи обвинения: искусственно связывать в процессе следствия арестованных с шпионско-диверсионной деятельностью и направлять в Москву справки для рассмотрения на тройке,

сформированной для рассмотрения дел по шпионажу.

Первый период времени тройка в целом собиралась и рассматривала представляемые УНКВД альбомы со справками, но в последнее время тройка рассматривала дела без заседаний... Альбомы раздавались начальникам отделов—заговорщикам, и каждый из них в отдельности решал вопрос о наказании арестованных. Когда альбомы начали поступать в большом количестве, то их начали рассматривать и определять меру наказания не только начальники отделений, но и их заместители, помощники и отдельные начальники отделений... Были неоднократно случаи, когда целые альбомы в 100-200 человек по справкам изобличались одним или двумя арестованными.

Мне лично пришлось рассматривать альбомы УНКВД Свердловской области... из двенадцати тысяч человек, из которых перебежчиков и лиц инациональностей было не более трехсот человек, а остальные одиннадцать с лишним тысяч были коренные жители СССР, проходившие по альбомам как шпионы и диверсанты иностранных разведок... Альбомы Свердловской области были мною задержаны для перепроверки по делам с вызовом отдельных арестованных в Москву, потому что безобразное проведение операции слишком бросалось в глаза. По прибытии дел и арестованных была вскрыта жуткая картина. Я лично сам допрашивал трех арестованных, из них одна была колхозница, девушка 19-20 лет, фамилии ее я не помню, которая по делу созналась, что является германской шпионкой только потому, что следователь... уговорил ее подписать показания в интересах якобы советского государства для 'изобличения' Гитлера и сказал, что ей за это ничего не будет».

Ежов добавлял: «Такая же практика была по Ленинграду. Заковский вместо финнов арестовывал много коренных жителей СССР — карел и 'превращал' их в финнов. Успенский под видом поляков арестовал много украинцев-униатов, т. е. брал не по признакам национального происхождения, а по вероисповеданию».

К началу 1938 года партия решила, что с репрессиями такого размаха надо заканчивать. Теперь требовался козел отпущения, на которого можно было свалить всю ответственность за происшедшее. Но Ежов отнюдь не спешил примерять на себя эту

роль.

- **«Кровавый карлик»**

Его готовили к аресту осторожно и неспешно. Сила и страх, которые вызывало само имя Ежова, были слишком велики. Сначала удалили из НКВД всех более или менее преданных ему сотрудников, назначили первым заместителем старого партийца и опытного чекиста Лаврентия Берию, который прибыл из Тбилиси со слаженной командой, способной взять под контроль госбезопасность, и лишь потом вызвали железного наркома в Кремль.

После ареста его заставили признаться в организации заговора против партии и всякой прочей подобающей в таких случаях ерунде. В обвинительном заключении даже написали: «Действуя в антисоветских и корыстных целях, Ежов организовывал убийства неугодных ему людей, а также имел половые сношения с мужчинами (мужеложество)».

Его расстреляли 6 февраля 1940 года.

При подготовке публикации использовались материалы справочника «Лубянка. 1917-1991». М., МФД, 2003.

Журнал «Коммерсантъ Власть» № 45 от 17.11.2003, стр. 74.
Taryhy makalalar